

ИГОРЬ СКАКУН

ПРАВО ХОТЕТЬ

В творческом диалоге с нейросетью МИР

Игорь Скакун
Право хотеть.

«Автор»

2026

Скакун И. В.

Право хотеть. / И. В. Скакун — «Автор», 2026

В восемнадцать лет каждый житель города получает жизненный маршрут: профессию, жильё, подходящего партнёра и точный прогноз счастья. Матвею Орлову обещано почти идеальное будущее. Есть лишь одна ошибка: девушка, которую он любит, объявлена ненужной привязанностью. Лера добровольно проходит процедуру, избавляющую от душевной боли. Она узнаёт Матвея, помнит их разговоры — и больше ничего к нему не чувствует. Но вскоре в её воспоминаниях появляются странные пробелы. Единственной союзницей Матвея становится Алиса — девушка, которую система назначила ему в пару. И чем больше он ей доверяет, тем труднее понять: это его собственное чувство или ещё один удачный расчёт? Чтобы разобраться, Матвею придётся защищать чужое право на выбор, даже когда этот выбор причиняет ему боль.

© Скакун И. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРАВО ХОТЕТЬ	5
Аннотация	6
Часть первая. Назначение	7
Глава первая. Ошибка в счастливом будущем	7
Глава вторая. Девушка с запасным выходом	20
Глава третья. Вещь, которую можно отдать	30
Глава четвёртая. Починенные вещи	38
Между строк. Четверг	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Игорь Скакун Право хотеть.

ПРАВО ХОТЕТЬ

Книга первая
Игорь Скакун
В творческом диалоге с нейросетью МИР
Роман-антиутопия

Аннотация

В восемнадцать лет каждый житель города получает жизненный маршрут: профессию, жильё, подходящего партнёра и точный прогноз счастья. Матвею Орлову обещано почти идеальное будущее. Есть лишь одна ошибка: девушка, которую он любит, объявлена ненужной привязанностью.

Лера добровольно проходит процедуру, избавляющую от душевной боли. Она узнаёт Матвея, помнит их разговоры — и больше ничего к нему не чувствует. Но вскоре в её воспоминаниях появляются странные пробелы.

Единственной союзницей Матвея становится Алиса — девушка, которую система назначила ему в пару. И чем больше он ей доверяет, тем труднее понять: это его собственное чувство или ещё один удачный расчёт?

Чтобы разобраться, Матвею придётся защищать чужое право на выбор, даже когда этот выбор причиняет ему боль.

Часть первая. Назначение

Глава первая. Ошибка в счастливом будущем

В день своего совершеннолетия Матвей Орлов узнал, что никогда не любил Леру.

Об этом сообщалось на шестой странице его жизненного маршрута, между рекомендациями по питанию и предварительной датой рождения первого ребёнка.

Эмоциональная связь с гражданкой Валерией Серовой: возрастная фиксация, сформированная на фоне совместного переживания стрессового события. Самостоятельной ценности для дальнейшего развития личности не представляет.

Ниже стояла зелёная отметка:

Разрешено к завершению без последствий.

Матвей перечитал предложение.

Сначала целиком. Потом отдельно — последние три слова.

В кабинете было тихо. За стеклянной стеной женщина в сером поливала растение с широкими листьями. Вода попадала на землю, темнела, медленно впитывалась. Матвей почему-то следил за этим внимательнее, чем за человеком напротив.

— Сосредоточьтесь на ощущениях, — попросил куратор.

У него были усталые глаза и праздничный значок на лацкане: две расходящиеся дороги, сходящиеся в одну.

— На каких?

— Обычно в этот момент люди испытывают облегчение.

Матвей посмотрел на него.

— А если не испытывают?

— Тогда мы разбираемся, что мешает.

Куратор говорил спокойно, без нажима. На столе перед ним лежала открытая коробка с мятными леденцами. Рядом стояла кружка, на которой ребёнок неровно нарисовал жёлтый дом.

Обычная кружка. Обычный человек.

От этого строчка на шестой странице становилась ещё хуже.

Матвей опустил взгляд.

Совокупный прогноз удовлетворённости: 94,8 процента.

Профессиональная траектория: инженер систем городского водоснабжения.

Это было хорошо.

Он любил разбирать вещи. В двенадцать лет починил настольный вентилятор, в четырнадцать собрал из списанных деталей насос для школьной оранжереи. Когда вода впервые дошла до верхних лотков, Лера захлопала так громко, что преподаватель велел ей выйти.

Она вышла.

Вместе с Матвеем.

— У вас замечательный маршрут, — сказал куратор. — Редко бывает такая точность совпадения склонностей, способностей и общественной потребности.

Матвей перелистнул страницу.

Жилой сектор. Образовательная программа. Допустимые периоды переутомления. Рекомендуемые занятия на случай сезонного снижения настроения.

Партнёрская совместимость: Алиса Ветрова.

Фотография незнакомой девушки.

Короткие светлые волосы, прямой взгляд. На правой щеке — едва заметный шрам.

— Она уже знает? — спросил Матвей.

— Алиса получает маршрут сегодня в четырнадцать тридцать.

— И ей напишут то же самое?

— В части, которая касается вас двоих.

— А если я ей не понравлюсь?

Куратор улыбнулся.

— Вы понравитесь друг другу.

— Вы не ответили.

Улыбка исчезла не сразу. Сначала замерла, будто человек забыл, что собирался сделать со своим лицом.

— Матвей, маршрут не обязывает вас вступать в отношения. Он указывает сочетание, при котором вероятность взаимного благополучия наиболее высока. Встреча рекомендательная.

— Тогда зачем здесь дата первого ребёнка?

— Это расчётный горизонт. Не предписание.

— А про Леру — тоже расчётный горизонт?

Куратор чуть повернул планшет.

Теперь Матвей не видел экран.

— Валерия получила маршрут вчера.

Матвей перестал двигать ногой под столом.

Лера обещала написать.

Вчера утром она прислала фотографию двух нелепых носков: один жёлтый, другой тёмно-синий.

«Выбираю серьёзный образ для встречи с будущим».

Он ответил:

«Главное, чтобы будущее выдержало».

Она поставила смеющийся значок.

После этого — ничего.

Он решил, что дома отмечают. Потом — что устала. Потом просто лежал до двух ночи с включённым браслетом.

— И что? — спросил он.

Куратор выдержал паузу.

— Вопросы, касающиеся чужого маршрута, относятся к личным данным.

— Тогда почему вы сказали?

— Потому что вижу: вы обеспокоены.

Матвей закрыл папку.

Она была тонкой. Восемнадцать лет жизни, из которых он почти ничего не помнил до четырёх, поместились в сорок две страницы. Впереди лежали ещё шестьдесят семь лет — аккуратно разделённые цветными вкладками.

В детстве ему нравилось думать об этом.

Он представлял, как однажды придёт в Центр согласования, сядет за белый стол и узнает, для чего годится. Перестанет мучиться из-за экзаменов, денег, собственной бестолковости. Получит дело, в котором не окажется лишним.

Мать говорила, что до Согласования люди могли десятилетиями заниматься тем, чего не любили.

Её отец работал на складе.

Её мать боялась потерять квартиру.

Сама она вышла замуж за человека, который однажды сломал ей два пальца дверцей шкафа, а потом клялся, что случайно.

Матвей почти не помнил отца. Помнил громкий голос, тяжёлую ладонь на затылке и то, как мать прислушивалась к лифту.

Когда в городе заработала система, им выделили другое жильё.

Матери нашли работу в архивном отделе. Предложили лечение. Помогли добиться запрета на приближение.

Поэтому, когда куратор рассказывал о снижении бытового насилия, Матвей не считал это пустыми словами.

Проблема заключалась в другом.

На шестой странице было написано, что Лера не имеет самостоятельной ценности.

— Вы ошиблись, — сказал он.

Куратор не стал спрашивать, в чём именно.

— Какие сведения, по вашему мнению, не были учтены?

Матвей раскрыл папку.

Провёл пальцем по строчке.

— Вот эти.

— Мы можем направить запрос на повторную оценку связи.

— Направьте.

— Прежде я должен объяснить последствия.

— Вы только что сказали, что их нет.

— Завершение связи проходит без последствий. Пересмотр маршрута может отсрочить образовательное зачисление и получение самостоятельного жилья.

Матвей посмотрел на фотографию Алисы Ветровой.

Чужой шрам. Чужие глаза.

— На сколько?

— Обычно до тридцати дней.

Тридцать дней.

Мать уже неделю мыла окна в квартире, которую ему выделили. Купила две тарелки, хотя он просил одну. Вчера привезла занавеску в ванную — белую, с мелкими синими рыбами.

На работе ей разрешили прийти позже, чтобы отпраздновать его совершеннолетие.

На кухне ждал пирог.

Куратор придвинул к нему леденцы.

— Я вижу, вы понимаете ценность маршрута. Вы не обязаны принимать решение немедленно.

Матвей закрыл папку ещё раз.

— Мне нужно поговорить с Лерой.

— Это разумно.

— Тогда я пойду?

— Осталась формальность.

На столе загорелся небольшой прямоугольник.

Ознакомлен. Принимаю. Прошу пересмотр.

Три кнопки.

Матвей нажал первую.

Куратор посмотрел на экран, но ничего не сказал.

Потом встал и протянул руку.

— С совершеннолетием, Матвей.

Ладонь у него была сухая и тёплая.

* * *

На выходе каждому вручали ветку белых цветов.

Матвей не знал, как они называются. Мелкие, плотные, с тяжёлым сладковатым запахом. Весь город в октябре был ими заставлен: вестибюли, транспортные остановки, столовые, школьные коридоры.

Праздник маршрутов продолжался десять дней.

На площади перед Центром согласования фотографировались семьи. Девушка в красном пальто плакала и смеялась одновременно. Отец обнимал её, мать пыталась забрать цветы, чтобы не помялись.

Над входом двигались слова:

ВАШЕ БУДУЩЕЕ НАЧИНАЕТСЯ С ВАС.

Матвей остановился под ними и вызвал Леру.

Вызов шёл долго.

Потом браслет мягко завибрировал.

Абонент временно ограничил входящие обращения.

Он попробовал ещё раз.

Результат не изменился.

От матери пришло сообщение:

«Ну как?»

Он посмотрел на людей с цветами.

«Инженер. Водоснабжение».

Ответ появился сразу.

«Я же говорила!»

Потом ещё:

«А остальное?»

Матвей выключил экран.

Ветка мешала. Он хотел положить её на скамейку, но рядом стояла девочка лет шести и смотрела так внимательно, что он протянул цветы ей.

— Мне? — спросила она.

— Тебе.

— У тебя плохой маршрут?

Матвей замешкался.

— Хороший.

Девочка взяла ветку обеими руками.

— Тогда зачем отдаёшь?

Он не нашёл ответа.

* * *

Лера жила в соседнем секторе, в старом доме, который не стали сносить после реконструкции. В нём были узкие лифты, толстые стены и лестница с настоящими окнами.

Однажды зимой они просидели на этой лестнице четыре часа.

Лера поссорилась с матерью. Матвей пришёл принести ей тетради и остался. Они ели хлеб с сыром из пакета, пока на улице темнело, и придумывали названия профессиям, которых не существовало.

Лера хотела стать человеком, который объясняет деревьям, почему вокруг них всё перекопали.

Матвей предложил должность переводчика с начальственного языка на человеческий.

Она сказала, что это опасная работа.

Потом заснула у него на плече.

Он помнил тяжесть её головы лучше, чем все формулы, которые учил в ту зиму.

У подъезда браслет не открыл дверь.

Гостевой доступ изменён. Обратитесь к принимающей стороне.

Матвей набрал номер квартиры.

Ответила Лерина мать.

— Здравствуйте, Марина Павловна.

Она смотрела на него с экрана домофона.

— Матвей.

— Я к Лере.

— Сейчас неудобно.

— У неё всё нормально?

— Да.

— Она не отвечает.

— Ей нужен покой.

Он видел за её спиной кухню. На подоконнике стоял знакомый горшок с треснувшим краем. Лера всё собиралась пересадить цветок и всё забывала.

— Я ненадолго.

Марина Павловна обернулась.

Кто-то подошёл к ней сбоку.

— Всё хорошо, мам, — сказала Лера. — Я спущусь.

Экран погас.

Матвей отошёл от двери.

Он вдруг понял, что дрожит. Не сильно, но пальцы никак не удавалось удержать спокойно. Он сунул руки в карманы.

В левом лежала жестяная крышечка.

От бутылки лимонада.

В августе они пытались перебросить её через вентиляционную трубу на крыше школы. Проигравший должен был первым показать свой маршрут.

Матвей проиграл.

Лера забрала крышечку, прокусила край и вернула ему.

— Чтобы не подменил.

Зубы у неё были крепкие. Он тогда ещё удивился.

Дверь открылась.

Лера вышла без куртки, в длинном сером свитере. Волосы убраны. Под левым ухом — телесная наклейка размером с ноготь.

Матвей шагнул к ней.

Она остановилась.

Не отшатнулась. Просто остановилась чуть раньше, чем остановилась бы вчера.

Между ними остался метр.

— Привет, — сказала она.

— Привет.

Ему стало стыдно за собственный страх. Вот она. Никакой беды не произошло. Сейчас скажет, что устала, что мать опять устроила праздник на весь дом, что браслет раздражал, поэтому отключила.

— Как ты? — спросила Лера.

— Нормально. Инженер водоснабжения.

— Правда? Здорово. Это очень на тебя похоже.

Голос был её.

Та же чуть хриплая последняя согласная. Та же привычка щуриться, если собеседник стоял против света.

— А у тебя что?

— Медицинская диагностика. Сначала подготовительный год, потом институт.

Матвей кивнул.

— Ты же хотела реставрацию.

— Давно.

— Неделю назад.

Лера опустила глаза, потом снова посмотрела на него.

— Мне объяснили результаты. У меня хорошие показатели распознавания сложных образов и устойчивое внимание. Я смогу приносить больше пользы.

— Картины тоже нужно восстанавливать.

— Я знаю.

Ветер потянул край её свитера. Матвей заметил, что она в домашних тапочках.

Он захотел снять куртку и накинуть ей на плечи.

Не сделал этого.

— Почему ты не ответила?

— Было много всего.

— Я волновался.

— Прости.

Она произнесла это легко и искренне.

Как извиняются перед знакомым, которому забыли вернуть книгу.

Матвей достал крышечку.

Положил на ладонь.

Лера посмотрела.

— Помнишь?

— Конечно.

Он ждал.

Она добавила:

— Крыша. Ты проиграл.

Матвей впервые за весь день выдохнул.

— Да.

Лера улыбнулась.

И ничего не произошло.

Её лицо не стало теплее. Она не протянула руку. Не сказала, что он до сих пор должен показать маршрут первым.

Улыбка закончилась, выполнив свою работу.

— Что с тобой сделали? — спросил он.

Лера чуть нахмурилась.

— Не надо так.

— Что?

— Так говорить. Со мной ничего не сделали.

Она коснулась наклейки под ухом.

Матвей посмотрел на её руку.

Лера убрала её.

— Я сама попросила.

Из подъезда вышел мужчина с ребёнком. Матвей посторонился. Ребёнок волок по асфальту игрушечную машину на верёвке. Одно колесо заклинило, и пластмасса скребла так громко, что несколько секунд нельзя было разговаривать.

Когда они ушли, Матвей спросил:

— О чём?

— Снять зависимость.

Он сжал крышечку.

Край впился в кожу.

— От меня?

Лера долго не отвечала.

— Мне показали прогноз.

— Какой?

— Наш.

Матвей посмотрел на окна её квартиры.

Марина Павловна стояла за стеклом.

Увидев, что он поднял голову, отошла.

— И что там?

— Ты не поступаешь с первого раза. Я отказываюсь от медицинской программы. Мы переезжаем в свободный сектор, потому что не получаем совместного жилья. Работаем. Ссоримся из-за денег.

— Это один вариант.

— Там были разные.

— Значит, можно выбрать другой.

— Матвей...

Она произнесла его имя с такой осторожностью, что ему захотелось заткнуть уши.

— Мы же договорились, — сказал он.

Лера посмотрела в сторону.

— Когда?

— На крыше.

— Мы много о чём договаривались.

— Что посмотрим маршруты и решим сами.

Она сложила руки на груди.

— Я решила.

Матвей открыл рот.

Закрыв.

Нужно было сказать что-то правильное. Не жалкое, не злое. Что-то, после чего она посмотрит на него по-настоящему.

Но он мог думать только о том, что у неё мёрзнут ноги.

— Ты меня помнишь?

— Да.

— Всё?

— Да.

— Лестницу?

— Да.

— Как ты в пятом классе разбила окно в мастерской, а я сказал, что это я?

Лера вздохнула.

— Ты действительно думал, что тебе поверили?

Он почти улыбнулся.

Почти.

— А когда мы застряли в насосной?

Её лицо изменилось.

Совсем немного.

— Помню.

— Ты тогда...

— Матвей, я всё помню.

Теперь в голосе появилась усталость.

— Я помню, что боялась. Помню, что ты был рядом. Помню, как мы потом сидели в машине спасателей. Это никуда не делось.

— Тогда что делось?

Лера смотрела на него.

Где-то над крышей прошёл грузовой беспилотник. Низко, с натужным гулом.

— Мне больше не больно, — сказала она.

Матвей не сразу понял.

— Со мной было больно?

— Мне было страшно. Всё время. Когда ты долго не отвечал. Когда говорил, что хочешь уехать. Когда смеялся с другими. Я могла весь вечер придумывать, что сделала не так. А потом ненавидела себя за это.

Он знал.

Не всё. Но кое-что знал.

Знал, как она присылала три сообщения подряд и удаляла два. Как злилась, если он задерживался без предупреждения. Как однажды сказала: «Я не хочу стать мамой», — и отказалась объяснять.

— Мы могли поговорить.

— Мы говорили.

Матвей опустил глаза.

Крышечка оставила на ладони полукруглый красный след.

— Ты теперь ничего не чувствуешь?

Лера не ответила сразу.

И этой паузой он прожил ещё несколько секунд надежды.

— Я чувствую, что ты хороший человек, — сказала она. — И хочу, чтобы у тебя всё получилось.

Он кивнул.

Потому что нужно было хоть что-то сделать головой.

Лера переступила с ноги на ногу.

— Тебе холодно, — сказал он.

— Немного.

— Иди.

Она не ушла.

— Ты злишься?

Матвей посмотрел на неё.

Перед ним стоял человек, который помнил их первый поцелуй и, возможно, думал о нём так же, как о визите к зубному врачу в тот же год.

Он хотел рассердиться.

Хотел сказать, что она предала их.

Но Лера смотрела на него без прежней тревоги. Не пыталась угадать, что он сейчас делает. Не извинялась за каждую паузу.

Ей действительно стало легче.

Это было самое страшное.

— Я не знаю, — ответил он.

Она кивнула.

— Хорошо, что честно.

И отступила к двери.

Матвей вспомнил кое-что.

— Подожди.

Лера обернулась.

— Когда мы были в насосной... Ты сказала, что я должен обязательно кое-что сделать.

После того как нас вытащат.

Он видел, как она вспоминает.

Раньше память приходила к ней движением: улыбкой, приподнятым плечом, коротким вдохом.

Сейчас она просто ждала, пока найдётся нужное.

— Ты обещал научить меня плавать, — сказала она.

— Нет.

Лера нахмурилась.

— По-моему, да.

Матвей убрал крышечку в карман.

— Ладно. Неважно.

Она ещё секунду смотрела на него.

Потом вошла в подъезд.

Дверь закрылась с мягким шелчком.

В насосной она попросила его не позволять никому решать за неё.

Про плавание они говорили в другой день.

* * *

Дома пахло пирогом и стиральным порошком.

Мать встретила его в коридоре, вытерла руки о полотенце и обняла так крепко, будто он вернулся после долгой поездки.

— Ну, показывай.

Матвей отдал папку.

Она читала стоя.

На профессии улыбнулась. На квартире прижала пальцы к губам. Увидев фотографию Алисы, чуть отодвинула страницу.

— Симпатичная.

Он прошёл на кухню.

На столе стояли две чашки и пирог с капустой. Мать никогда не покупала готовое тесто: говорила, что оно резиновое.

Матвей сел.

Через минуту мать появилась в дверях.

Держала папку раскрытой на шестой странице.

— Ты к ней ходил?

Он кивнул.

Она села напротив.

— И?

— Она попросила снять зависимость.

Мать закрыла глаза.

Совсем ненадолго.

— Понятно.

Матвей посмотрел на неё.

— Тебе — понятно?

— Я не это имела в виду.

— А что?

Она положила ладонь на стол.

Безымянный палец так и остался чуть кривым.

— Я понимаю, что тебе тяжело.

— Ты знала, что они такое делают?

— Да.

— Давно?

— Матвей...

— Тебе тоже предлагали?

Мать убрала руку.

Теперь он знал ответ.

Пирог остывал. На подоконнике мигал кухонный датчик: предлагал включить дополнительный свет.

— Ты согласилась? — спросил он.

— Нет.

— Почему?

Она долго смотрела в чашку.

— Потому что я и без того перестала его любить.

Матвей отвернулся.

За окном на соседнем доме показывали праздничный ролик. Молодой человек входил в новую квартиру, девушка смеялась, маленькая собака бежала по светлому полу.

— Лера всё помнит, — сказал он. — Но кое-что неправильно.

— Люди и без процедур помнят по-разному.

— Я знаю.

— Тогда...

— Мам. Я знаю.

Она замолчала.

Матвей почувствовал, как внутри поднимается злость. Не на неё. На пирог, на рыб на занавеске, на девяносто четыре целых восемь десятых процента счастья.

— Они тебе помогли, — сказал он. — Я помню.

Мать посмотрела на него.

— Хорошо.

— Я не говорю, что всё плохо.

— Я этого и не слышала.

Он провёл ладонями по лицу.

— Просто скажи мне. Если бы тебе убрали всё, из-за чего ты боялась отца... Ты бы ушла?

Мать не шевельнулась.

В коридоре щёлкнул обогреватель.

— Не знаю, — ответила она.

Матвей опустил руки.

Мать подвинула к нему тарелку.

— Поешь хоть немного.

Он взял вилку.

И вдруг браслет завибрировал.

Алиса Ветрова приглашает вас на первую ознакомительную встречу.

Ниже:

Сегодня, 18:40. Зимний сад Центра согласования.

Две кнопки.

Подтвердить. Предложить другое время.

Кнопки «Отказаться» не было.

* * *

Матвей пришёл на десять минут раньше.

Не потому, что хотел познакомиться с Алисой.

Он хотел спросить у неё, что написано на шестой странице её маршрута.

Зимний сад занимал второй этаж Центра. Под стеклянной крышей росли деревья, которым в этом климате полагалось жить в оранжереях. Между ними стояли столики. В мелком бассейне плавали рыбы, похожие на опавшие оранжевые листья.

Пары уже разговаривали.

Некоторые неловко. Некоторые слишком громко.

У окна парень показывал девушке что-то на ладони, и та смеялась, закрыв рот.

Матвей вдруг понял, что ненавидит их.

Потом устыдился.

Нашёл столик с номером семнадцать и сел.

На гладкой поверхности появился текст:

Общение не требует идеального начала. Начните с простого вопроса.

Матвей положил на надпись папку.

— Отличная мысль, — сказали за спиной. — Я тоже её закрыла бы.

Он обернулся.

Алиса Ветрова была ниже, чем казалась на фотографии. В тёмной куртке, с растрёпанными после улицы волосами. Шрам на щеке оказался заметнее — тонкий, уходящий почти к уху.

В руках она держала два стакана.

— Чай или что-то со вкусом горячего персика?

— Чай.

— Жаль.

Она поставила перед ним стакан с персиком и села.

Матвей посмотрел на неё.

Алиса сделала глоток чая.

— Раз уж нас считают совместимыми, должны обнаружиться общие вкусы.

Он не улыбнулся.

Она заметила.

— Тяжёлый день?

— Да.

— У меня тоже.

Несколько секунд они молчали.

Потом Алиса кивнула на его папку.

— Какой процент?

— Девяносто четыре и восемь.

— У меня девяносто два и один. Несправедливо. Похоже, я делаю тебя счастливее, чем ты меня.

Матвей хотел сказать, что это бессмыслица.

Вместо этого спросил:

— Ты согласилась?

— На что именно?

— На маршрут.

Она повертела стакан.

— Пока ознакомились.

Матвей посмотрел на её запястье.

Экран браслета был погашен.

— У меня вопрос, — сказал он.

— У меня тоже. Но начни.

— В твоём маршруте есть что-нибудь про эмоциональные связи?

Алиса перестала вертеть стакан.

— Есть.

— И что?

Она посмотрела на него внимательнее.

— А у тебя?

Матвей раскрыл папку на шестой странице.

Повернул к ней.

Алиса прочитала.

Не переспросила. Не стала утешать.

Только чуть наклонилась вперёд.

— Ты с ней разговаривал?

— Сегодня.

— Она тебя узнала?

— Да.

Алиса медленно выдохнула.

— Что? — спросил Матвей.

Она не ответила.

Пальцы, державшие стакан, побелели.

— Что? — повторил он.

Алиса поставила чай.

Взяла его папку, перевернула чистой стороной вверх. Достала из кармана ручку.

Настоящую.

Матвей давно не видел, чтобы кто-нибудь носил ручку.

Она написала четыре слова.

Подвинула папку к нему.

НЕ СМОТРИ НА ПОТОЛОК.

Он посмотрел на неё.

Алиса улыбнулась.

Слишком быстро.

— Думаю, для первой встречи нам стоит обсудить что-нибудь приятное, — произнесла она. — Например, путешествия.

Под её пальцами появилась новая строчка.

ПРИТВОРИСЬ, ЧТО Я ТЕБЕ НРАВЛЮСЬ.

Матвей почувствовал, как пересохло во рту.

Над их столиком тихо щёлкнуло.

Он удержался.

Не поднял голову.

— Я нигде не был, — сказал он.

Алиса кивнула, как будто именно этого ответа ждала.

— Тогда нам будет что планировать.

И, продолжая улыбаться, написала:

МОЯ СЕСТРА ТОЖЕ ВСЁ ПОМНИЛА. ПЕРВЫЕ ТРИ ДНЯ.

Глава вторая. Девушка с запасным выходом

Матвей перечитал написанное.
Потом ещё раз.
Алиса накрыла строчку ладонью.
— Ты любишь горы? — спросила она.
Он смотрел на её пальцы.
Под ногтем указательного была тёмная полоска — чернила или машинное масло.
— Не знаю.
— Я тоже не знаю. По фотографиям трудно понять.
Она говорила чуть громче, чем требовалось.
Матвей наконец поднял на неё глаза.
— Что с твоей сестрой?
Алиса не изменилась в лице.
Только улыбка стала неподвижной.
— У меня нет сестры, — сказала она.
Под столом носок её ботинка прижался к его ноге.
Матвей дёрнулся.
Она не убрала ногу.
— Есть брат, — продолжила Алиса. — Младший. Невыносимый. Думает, что если разобрал пылесос, то уже инженер.
Матвей молчал.
— Тебе должно понравиться.
Он заставил себя взять стакан.
Напиток был слишком горячим. Персик пах так сильно, будто в воду положили мыло.
— Я тоже разобрал пылесос, — сказал он.
Алиса немного расслабилась.
— И собрал?

— Не с первого раза.

— Хорошо. Значит, ты хотя бы не станешь его осуждать.

Она забрала папку, перевернула страницу.

Написала:

ПЯТЬ МИНУТ. ПОТОМ ПРОВОДИ МЕНЯ ДО ВЫХОДА.

Матвей хотел спросить, почему не сейчас.

Но она уже спрятала ручку.

Из-за дерева вышел сотрудник в серой одежде. Остановился у соседнего столика, помог девушке изменить яркость экрана. Потом посмотрел на них.

Взгляд задержался на папке.

— Всё в порядке? — спросил он.

— Да, спасибо, — ответила Алиса. — Очень уютно.

Матвей кивнул.

Сотрудник улыбнулся и пошёл дальше.

От его рукава пахло чем-то острым, медицинским.

Матвей проследил за ним.

Тот остановился у бассейна.

Рыбы собрались под поверхностью, хотя еды у него не было.

— Ты правда хочешь заниматься водой? — спросила Алиса.

Матвей перевёл взгляд на неё.

Этот вопрос она задала иначе. Тише.

— Да.

— Почему?

Он пожал плечами.

— Интересно.

Она ждала.

Матвей посмотрел на бассейн.

— У нас в школе вода плохо доходила до верхнего этажа. Все думали, насос слабый.

Поставили новый — ничего не изменилось.

— А ты понял?

— Воздух в верхней точке. Клапан заклинило после ремонта.

— Починил?

— Мне не дали. Я сказал мастеру, он починил.

Алиса провела пальцем по краю стакана.

— Но понял ты.

— И что?

— Ничего. Хотела узнать, что тебе интересно.

Ему стало неловко.

Он приготовился к тайне, опасности, странному разговору о сестре. А она спрашивала про школьный водопровод.

— А тебе?

— Что?

— Что интересно?

Алиса посмотрела на деревья.

Матвей решил, что она не ответит.

— Раньше рисовала, — сказала она.

— Почему раньше?

— Сейчас чиню мелкую технику. Экран заменить, разъём, контакт. У соседа мастерская.

— И что назначили?

Она усмехнулась.
В первый раз по-настоящему.
— Сопровождение жизненных маршрутов.
Матвей посмотрел на неё.
— Куратор?
— После обучения.
— Серьёзно?
— У меня, оказывается, высокая способность распознавать чужой эмоциональный дискомфорт.
Она взяла его папку, закрыла и встала.
— Давай пройдемся.

* * *

У выхода сотрудница предложила им сохранить впечатления от первой встречи.
Матвей уже протянул запястье, но Алиса взяла его под руку.
— Дома заполню, — сказала она. — Хочется сначала подумать.
— Конечно.
Сотрудница смотрела на них ласково.
Так смотрят на детей, которые впервые сами переходят дорогу.
Алиса прижалась чуть ближе.
Матвей почувствовал запах холодного воздуха от её куртки.
Они прошли рамку.
Потом ещё одну.
На второй у него под рукавом потеплел браслет.
У Алисы — тоже.
Она не замедлилась.
Улица встретила их сыростью. Пока они сидели в саду, прошёл дождь. На площади блестяли мокрые плиты, отражая праздничные надписи.
Алиса шла быстро.
— Куда мы?
— До остановки.
— Ты можешь объяснить?
— Могу.
Она не объясняла.
Свернула к торговой галерее, где под навесом стояли автоматы с едой и зарядные стойки.
У одной из стоек спорили двое курьеров.
— Здесь? — спросил Матвей.
— Нет.
Они прошли галерею насквозь и вышли к старому пешеходному переходу.
Подземному.
Матвей ни разу не спускался туда. После реконструкции все пользовались наземными дорожками: светлыми, ровными, с обогревом зимой.
Над лестницей висела табличка:
ПРОХОД К СЕРВИСНЫМ ПОМЕЩЕНИЯМ.
Ни запрета, ни замка.
Просто место, куда никому не требовалось идти.
Алиса спустилась первой.
— Осторожно на третьей ступеньке.

Третья была отколота с края.

Внизу горели две лампы из пяти. На стене сохранился прямоугольный след от снятого рекламного щита.

Матвей остановился.

— Здесь нас не слышат?

Алиса обернулась.

— Браслет слышит тебя везде.

Она сказала это так буднично, что он почувствовал себя глупо.

Потом достала из кармана плоский серый пакет.

— Протяни руку.

— Зачем?

— Хочешь поговорить — протяни.

Матвей подал левую.

Алиса расстегнула его браслет, прежде чем он успел возразить.

Кожа под ремешком была светлее.

Он носил устройство с одиннадцати лет. Снимал только для замены. Даже в душе оставлял: браслет не боялся воды.

Без него запястье показалось непривычно голым.

— Это фиксируется, — сказал Матвей.

— Да.

Она сняла свой браслет, вложила оба в пакет и загнула край.

— Теперь у нас потеря связи. Такое бывает в старых переходах.

— А если придёт запрос?

— Придёт.

— И?

— Мы вернёмся наверх и ответим.

Матвей посмотрел на пакет.

— Ты часто это делаешь?

— Достаточно, чтобы знать, что не нужно стоять здесь час.

Она присела на низкий бетонный выступ.

Матвей остался стоять.

Теперь, когда можно было задавать вопросы, он не знал, с какого начать.

Алиса помогла.

— Мою сестру зовут Ника. Ей двадцать два. В прошлом году она отказалась от маршрута.

— Можно отказаться.

— Можно.

Алиса кивнула.

— Она отказалась. Продолжила учиться на своём отделении. Осталась с парнем. Снимала комнату. Всё законно.

— Что случилось?

— У парня диагностировали устойчивое деструктивное влияние на её развитие.

Матвей вспомнил шестую страницу.

— И предложили...

— Ей предложили помощь. Она не согласилась.

— Тогда как?

Алиса сцепила пальцы.

— Через месяц у неё начались приступы. Не спала, забывала поесть, боялась выходить из дома. До этого такого не было. Я не знаю, было ли это связано. Говорю сразу: не знаю.

Матвей впервые почувствовал, что ей можно верить.

Не потому, что история звучала убедительно.

Потому что она остановилась там, где переставала знать.

— Мама отвезла её в клинику, — продолжила Алиса. — Там подобрали восстановление. Ника согласилась на снижение эмоциональной нагрузки.

— И забыла его?

— Сначала — нет. Сначала говорила примерно то же, что твоя Лера. Всё помню. Всё хорошо. Просто больше не больно.

Где-то в глубине перехода капала вода.

Матвей считал удары, чтобы не перебивать.

— На третий день я спросила, где лежат её старые фотографии, — сказала Алиса. — Она удивилась. Сказала, что удалила их ещё зимой. Но я видела эти фотографии за неделю до клиники.

— Могла перепутать.

— Могла.

Алиса посмотрела на него.

— Потом она перестала узнавать некоторые вещи. Не людей целиком. События. Разговоры. Мы ездили втроём на озеро — я, Ника и Денис. Она помнила озеро. Меня. Как обгорела. А Дениса — нет.

Матвей сел рядом.

На бетонном выступе было холодно.

— Ты показывала ей фотографии?

— Показывала.

— И что?

— Сказала, что, наверное, он приезжал ненадолго.

— А он?

Алиса провела ладонью по лицу.

— Я не могу его найти.

Матвей посмотрел на лестницу.

Вверху виднелся прямоугольник вечернего неба.

— Ты обращалась?

— Конечно.

— Куда?

— Сначала в клинику. Потом в службу защиты данных. Потом в надзор сопровождения.

— Что ответили?

— Что сведения о здоровье совершеннолетнего человека не могут быть предоставлены родственникам без его согласия. Ника согласия не дала.

— Почему?

— Потому что ей хорошо.

Алиса сказала это без злости.

Как факт, который много раз проверяла и так и не смогла обойти.

— Она работает. Встречается с человеком из маршрута. Покупает мне дурацкие свитеры. Недавно спросила, почему я всё время хочу её расстроить.

Матвей вспомнил Леру у подъезда.

«Ты злишься?»

Он потёр голое запястье.

— Ты думаешь, с Лерой будет так же?

— Я не знаю.

— Тогда почему написала?

Алиса повернулась к нему.

— Потому что в моём маршруте было твоё имя. И рядом — рекомендация обсудить с тобой возможность обращения за эмоциональной поддержкой.

Матвей не сразу понял.

Потом поднял голову.

— Ты должна была...

— Познакомиться. Понравиться. Убедить тебя, что помощь — это нормально.

Она достала из кармана сложенный лист.

Протянула ему.

Это была обычная распечатка маршрута.

Под фотографией Матвея стояло:

Партнёр имеет незавершённую эмоциональную фиксацию. Рекомендуемая стратегия сближения: бережное замещение, совместное планирование, поддержка обращения к профильному специалисту.

Матвей прочитал строчку дважды.

— Ты могла сказать в саду.

— Могла.

— Зачем весь этот разговор про горы?

— Я не знала, что ты за человек.

— А теперь знаешь?

— Нет.

Это разозлило его сильнее, чем должно было.

— Тогда зачем привела?

Алиса забрала лист.

Аккуратно сложила.

— Потому что ты спросил про водопровод.

Матвей смотрел на неё.

— Что?

— Я спросила, почему тебе это интересно. Большинство начинает рассказывать, какой у профессии коэффициент пользы и сколько выделяют метров жилья. Ты рассказал про клапан.

Он отвернулся.

Глупая причина.

Совершенно недостаточная, чтобы доверять человеку.

И всё же она сидела рядом без браслета.

— Лера кое-что вспомнила неправильно, — сказал он.

Алиса не двинулась.

— Что именно?

Матвей рассказал про насосную.

Не всё.

О том, как они туда попали, он пока говорить не хотел.

Сказал, что им было по пятнадцать. Что проход в старую техническую зону оказался открыт. Что они спустились посмотреть на агрегаты, а потом начался сильный дождь и вода пошла через аварийный коллектор.

— Нас нашли через четыре часа.

Алиса смотрела на него.

— Ты умеешь плавать?

— Плохо.

— Она?

— Нет.

— И ты спросил, помнит ли она, что говорила там?

Матвей кивнул.

— Она решила, что просила научить её плавать.

— А что на самом деле?

Он молчал.

До сегодняшнего дня это принадлежало только им двоим.

Тёмная вода. Скользкая площадка над ней. Лерина рука, которую он не чувствовал от холода, но не отпускал.

Её голос в темноте.

«Если мы выберемся, обещай, что я больше не буду всё время соглашаться».

«С кем?»

«Со всеми».

Тогда он сказал:

«Обещаю».

Хотя как можно обещать за другого человека?

Матвей рассказал.

Алиса некоторое время смотрела на свои ботинки.

— Запиши, — сказала она.

— Что?

— Всё, что помнишь. Пока помнишь.

Он резко повернулся.

— Со мной ничего не делали.

— Я не об этом.

Она говорила терпеливо, но быстро. Пакет лежал между ними; оба время от времени поглядывали на него.

— Потом ты начнёшь сомневаться. Она скажет: было иначе. Её мама скажет: ты перепутал. Тебе объяснят, что после стресса память ненадёжна. Может, в чём-то действительно ненадёжна. Поэтому запиши сейчас. С датами. С подробностями, которые можно проверить.

Матвей подумал о крышечке.

Достал её из кармана.

— Это можно проверить.

Алиса взяла жестяной кружок за край.

— Что это?

Он рассказал.

Она посмотрела на след от зубов.

Вернула.

— Спрячь.

Матвей убрал крышечку.

— Ты пробовала вернуть сестре память?

Алиса встала.

— Пора наверх.

— Пробовала?

Она остановилась у первой ступеньки.

— Да.

Матвей ждал.

Алиса не оборачивалась.

— Я нашла старый диктофон. Мы записывали на него всякую ерунду. Ника пела. Денис пытался играть на гитаре. Я смеялась за кадром.

— И?

— Она услышала и попросила выключить.

— Узнала?

— Не знаю. Ей стало плохо.

Матвей медленно поднялся.

— Что значит плохо?

Алиса повернулась.

— Она упала. Начались судороги.

В переходе стало холоднее.

Или Матвей только теперь это заметил.

— В клинике сказали, что я вызвала острый приступ повторным предъявлением травматического материала. Мама перестала оставлять меня с ней одну.

Она развернула пакет.

— Поэтому, если собираешься идти к Лере с фотографиями, записями и обещаниями, сначала подумай.

Матвей взял браслет.

Не стал надевать.

— А что тогда делать?

Алиса посмотрела на устройство в его руке.

— Для начала выяснить, на что она согласилась. Настоящее название процедуры. Не слова куратора. Документы.

— Мне их не дадут.

— Ей дадут.

— Она не захочет.

— Возможно.

Матвей застегнул ремешок.

Браслет ожил почти сразу.

Три пропущенных уведомления.

Первое — проверка связи.

Второе — вопрос о самочувствии.

Третье заставило его забыть об остальных.

Валерия Серова просит о личной встрече.

Он показал экран Алисе.

Она прочитала.

Её лицо стало настороженным.

— Когда пришло?

— Две минуты назад.

Под приглашением была строка сообщения.

Матвей открыл её.

«Прости, что так получилось. Я вспомнила, о чём попросила тебя тогда. Можно поговорить без мамы?»

Он ощутил такой сильный прилив облегчения, что пришлось ухватиться за перила.

Лера вспомнила.

Значит, никуда это не делось.

Значит, сегодня у подъезда она просто растерялась. Устала. Действие лекарства ещё не прошло.

Матвей начал печатать.

Алиса положила руку на его запястье.

— Подожди.

Он резко освободился.

— Что?

— Прочитай ещё раз.
— Я прочитал.
— Внимательно.
— Алиса...
— Что именно она вспомнила?
Матвей посмотрел на сообщение.
«О чём попросила тебя тогда».
Ни насосной.
Ни обещания.
Ничего, чего не мог написать другой человек.
Он разозлился.
На Алису. На себя за то, что послушался.
— Она всегда так пишет.
— Хорошо. Спроси что-нибудь.
— Ты хочешь, чтобы я устроил ей проверку?
Алиса убрала руку.
— Я хочу, чтобы ты знал, с кем разговариваешь.
Матвей смотрел на экран.
Потом написал:
«Помнишь, что ты сказала про мою профессию на лестнице?»
Ответ пришёл через несколько секунд.
«Что переводить с начальственного на человеческий опасно».
Матвей повернул браслет к Алисе.
— Довольна?
Она прочитала.
Не ответила.
Он поднялся на две ступеньки.
Браслет снова завибрировал.
«Матвей, пожалуйста. Мне больше не с кем».
Он сразу ответил:
«Где?»
Лера прислала адрес.
Старый учебный корпус возле реки.
Матвей знал это место. Их школа проводила там занятия до переезда в новый сектор.
Путь занимал двадцать минут.
Он уже собирался вызвать транспорт, когда пришло ещё одно сообщение.
С незнакомого номера.
Без имени.
Всего одна строка:
«Если она попросит вернуть крышечку — не отдавай».
Матвей замер.
Мимо него по верхнему краю лестницы прошли люди. Кто-то смеялся. По мокрым плитам прокатился чемодан.
Алиса стояла на ступеньку ниже.
— Что там?
Он медленно протянул ей руку.
Она прочитала сообщение.
Потом посмотрела на его карман.
Туда, где лежала крышечка, о которой он рассказал ей три минуты назад.

В переходе.
Без браслетов.

Глава третья. Вещь, которую можно отдать

Первым желанием Матвея было вытряхнуть карманы.

Снять куртку, вывернуть подкладку, найти крошечный прибор, который всё слышал. Он даже потянул молнию, но Алиса остановила его.

— Не здесь.

— Ты сказала, нас не слышат.

— Я сказала, что мы можем поговорить. Это не одно и то же.

— Удобно.

Она отступила на полшага.

Теперь между ними снова был метр. Как между ним и Лерой у подъезда.

— Я не знаю, откуда сообщение, — сказала Алиса. — И не знаю, что в нём правда. Если сейчас начнём верить каждому незнакомцу, который знает название вещи у тебя в кармане, к утру окажемся неизвестно где.

Матвей посмотрел на тёмный прямоугольник перехода.

Там ничего не двигалось.

Но на дальнем конце горел красный огонёк — слишком высоко для розетки и слишком низко для лампы.

Он не заметил его, когда спускался.

— Ты говорила, пакет работает.

Алиса раскрыла ладонь. На ней лежал её браслет.

— Пакет работает. Всё остальное я не проверяла.

Матвею захотелось закричать. Несколько часов назад он знал, как устроен город. Теперь каждое объяснение открывало дыру, за которой виднелась следующая.

Он вызвал Леру.

На этот раз она ответила сразу.

Лицо появилось крупно, в неровном свете. За спиной — знакомая зелёная стена. В старом корпусе нижнюю половину стен всегда красили в зелёный цвет.

— Ты едешь?
— Да. Ты одна?
Она помедлила.
— Сейчас одна.
— Что это значит?
— Матвей, я объясню. Только приезжай, пожалуйста.
Он хотел спросить про крышечку.
Хотел спросить, кто ещё там был.
Вместо этого сказал:
— Я скоро.
Лера кивнула и отключилась.
Алиса стояла рядом, не пытаясь заглянуть в экран.
— Я пойду с тобой, — сказала она.
— Зачем?
— Подожду снаружи.
— Ты боишься, что я соглашусь на процедуру?
— Ты только что чуть не начал раздеваться посреди площади. Думаю, второе мнение тебе пригодится.
Матвей не нашёлся, что ответить.
Они поднялись наверх.
У стойки городского транспорта он выбрал старый учебный корпус. На карте появилась зелёная линия, потом потускнела.
Посещение объекта не рекомендовано. Здание выведено из образовательной эксплуатации.
Ниже предлагалось выбрать ближайшее безопасное место встречи.
Матвей нажал «Продолжить».
Появилось предупреждение о скользких покрытиях.
Он подтвердил.
Ему предложили сопровождение.
Он отказался.
На четвёртом экране наконец показали время прибытия машины.
Алиса смотрела через его плечо.
— Всё ещё можно, — сказала она.
Матвей не понял.
— Что?
— Просто хочу запомнить, сколько раз нужно подтвердить, что ты хочешь.

* * *

В машине пахло мокрой одеждой и апельсиновой кожурой.
На заднем сиденье кто-то оставил детскую варежку. Алиса положила её в отделение найденных вещей у двери.
Матвей смотрел в окно.
Новые районы заканчивались постепенно. Сначала исчезли бегущие по фасадам надписи, потом прозрачные переходы между домами. Улицы сузились. Вдоль дороги потянулись старые липы с обрезанными ветвями.
Он бывал здесь в детстве почти каждый день.
И всё же сейчас место казалось чужим.

На одном углу открылась маленькая пекарня. На другом дом закрыли строительной сеткой. Сквозь неё виднелись окна без рам.

— Ника жила в свободном секторе? — спросил он.

Алиса кивнула.

— Далеко?

— За вокзалом.

— Я никогда там не был.

— Там в основном такие же люди. Только квартиры хуже и приходится помнить, когда платить за отопление.

Матвей повернулся.

Она смотрела на забытые кем-то царапины у дверной ручки.

— Я не хотела тебя напугать, — сказала она.

Он вспомнил надпись в папке.

«Первые три дня».

— Получилось.

— Знаю.

Машина остановилась перед корпусом.

В окнах третьего этажа горел свет. На двери была новая вывеска: «Пространство местных инициатив». Рядом висело расписание занятий. Шахматы, восстановительная гимнастика, клуб краеведения.

Выведенное из образовательной эксплуатации здание продолжало жить.

Матвей вдруг почувствовал облегчение. Ни оцепления, ни людей в одинаковой одежде. Из двери вышли две пожилые женщины, одна несла коврик для упражнений.

— Я подожду здесь, — сказала Алиса.

Она села на низкую ограду под навесом.

— Если не вернусь...

— Через десять минут напишу. Если не ответишь, позвоню. Если не возьмёшь — зайду. Без героизма, пожалуйста.

Он кивнул.

У двери обернулся.

— Почему ты всё-таки пошла?

Алиса подтянула колени к себе.

— Потому что год назад мне никто не поверил вовремя.

* * *

Лера ждала в бывшем кабинете истории.

Матвей узнал его по карте, которую так и не сняли со стены. Половина названий на ней давно устарела. Внизу кто-то в своё время проткнул море циркулем.

За партой стояли три стула.

Два — с одной стороны, один — с другой.

Матвей заметил это раньше, чем бумагу.

Лера встала.

Теперь на ней была куртка. Расстёгнутая, под ней всё тот же серый свитер. На столе лежала шапка, которую он подарил ей в прошлую зиму.

Он почему-то обрадовался шапке.

— Спасибо, что приехал, — сказала она.

— Что ты вспомнила?

Лера посмотрела на дверь.

Он обернулся.

В коридоре никого не было.

— Ты просила встретиться без мамы.

— Мы и встретились без мамы.

— Кто ещё здесь был?

Лера села.

— Мой специалист сопровождения. Он принёс документы. Я попросила его выйти.

Матвей остался у двери.

Лера положила ладони на парту.

— Ты можешь сесть?

Он выбрал стул рядом с ней, а не напротив.

Она чуть подвинулась.

На бумаге сверху стояло её имя. Ниже — длинное название, которое Матвей прочитал только со второго раза.

Протокол завершения взаимной эмоциональной фиксации.

Внизу оставили место для двух подписей.

Одна уже была.

Лерина.

— Я не понимаю, — сказал он.

— Если ты подтвердишь, что мы завершили отношения без взаимных обязательств, моё наблюдение можно закончить раньше.

— Какое наблюдение?

— После процедуры всегда есть контрольный период.

— Ты пришла за подписью?

Лера сглотнула.

— Я пришла поговорить. Но подпись тоже нужна.

Матвей посмотрел на второй стул по другую сторону парты.

У ножки стояла открытая сумка. Внутри лежал планшет и прозрачная коробка с ватными дисками.

— Ты вспомнила, о чём попросила меня в насосной?

— Я думала об этом.

— И?

— Наверное, ты прав. Мы были напуганы. Я могла много чего сказать.

Матвей почувствовал, как надежда опускается куда-то в живот, становится тяжёлой и мешает дышать.

— Ты не вспомнила.

Лера посмотрела на него.

— Я помню, что нам было страшно. Разве этого мало?

Он взял лист.

Слова «без взаимных обязательств» были напечатаны жирно. Под ними мелким шрифтом помещалось ещё несколько строк.

— Что такое «снятие внешних подкреплений»?

Лера наклонилась.

— Личные вещи. Сообщения. То, что мешает привыкнуть.

— Привыкнуть к чему?

— Жить отдельно.

В коридоре что-то стукнуло.

Матвей поднял голову.

Мужчина у двери держал два бумажных стакана. Лет сорок, в обычном синем свитере. Он выглядел замёрзшим.

— Извините. Здесь чайник на другом этаже. Валерия, вода. Молодой человек, вам тоже? Матвей отказался.

Мужчина поставил оба стакана на подоконник.

— Тимур Андреевич, — представился он. — Сопровождаю восстановление Валерии.

Он не протянул руки.

Матвей это оценил и тут же разозлился на себя.

— Вы можете выйти? — спросила Лера.

Тимур Андреевич посмотрел на неё, потом на Матвея.

— Конечно. Только не затягивайте. Ты сегодня устала.

Когда он ушёл, Матвей перечитал мелкий шрифт.

Передача символических предметов, отказ от повторного воспроизведения эмоционально значимых эпизодов, согласие на временное ограничение контакта.

Он вынул крышечку.

Лера посмотрела на неё сразу.

— Можно? — спросила она.

Матвей не разжал пальцев.

— Зачем?

— Я хочу сама её выбросить.

Он ждал объяснения.

Лера обняла себя за плечи.

— Матвей, ты думаешь, у меня нет своего мнения. Всё время думаешь. Когда я хотела пойти на подготовку по диагностике, ты говорил, что это мама. Когда решила не ехать летом на озеро, ты говорил, что я испугалась. Когда согласилась на помощь — опять кто-то решил за меня.

— Я спрашивал, чего хочешь ты.

— А если тебе не нравится ответ, он перестаёт считаться моим.

Он посмотрел на неё.

Лера тяжело дышала. На шее над воротником выступили красные пятна.

Это не походило на спокойствие у подъезда.

— Мне правда было плохо, — сказала она. — До процедуры. Я смотрела на маму и знала, что стану такой же. Она всю жизнь ждала, что отец вернётся. Потом ждала, что перестанет ждать. Я не хочу двадцать лет помнить, как было хорошо в шестнадцать.

Матвей опустил крышечку на парту.

Не к ней. Перед собой.

— А плохое про меня ты помнишь?

— Да.

— Как я накричал на тебя из-за экзамена?

— Помню.

— Как не пришёл, когда вы усыпляли собаку?

Лера отвела взгляд.

Матвей тогда сказал, что не может уйти с занятий. На самом деле боялся увидеть, как она будет плакать. До сих пор стыдился этого.

— Помню, — повторила она.

— Значит, плохое осталось.

— Не всё, что осталось, плохое.

Он смотрел на маленькую вмятину в металле.

— Я не могу заставить тебя быть со мной.

— Я знаю.

— Но не подпишу, что у нас всё без последствий. Потому что мне больно. И я не знаю, что здесь ещё написано.

Лера закрыла глаза.

Он впервые понял, как сильно она ждала другого ответа.

— Хорошо, — сказала она.

— И крышечку не отдам.

Она открыла глаза.

— Это моя вещь.

— Ты подарила её мне.

— Матвей...

Он хотел прижать металл к ладони, спрятать, уйти.

Вместо этого спросил:

— Они сказали, что если я отдам, будет легче?

Лера кивнула.

— А если нет?

— Тогда дольше.

— Дольше что?

Она не ответила.

Матвей подвинул к ней документ.

— У тебя есть копия того, на что ты согласилась вчера?

— В кабинете здоровья.

— Ты читала?

— Да.

— Там было про память?

Лера подняла глаза к карте на стене.

В кабинете гудела лампа. Кто-то когда-то засунул в плафон фантик; его тёмный силуэт двигался от сквозняка.

— Там было про изменение эмоционального значения воспоминаний, — сказала она.

— А самих воспоминаний?

— Это не одно и то же?

Матвей не знал.

Он ненавидел этот ответ, но другого не было.

— Давай посмотрим вместе.

Лера медленно покачала головой.

— Сейчас не могу.

— Почему?

— Потому что я хочу, чтобы ты ушёл.

Он сидел ещё несколько секунд.

Потом взял крышечку.

Встал.

— Пришлешь мне название процедуры?

— Оно тебе зачем?

— Хочу знать, что с тобой происходит.

Лера провела рукой по рукаву.

— Я подумаю.

Матвей кивнул.

У двери обернулся.

— Ты можешь не любить меня. Я не спорю.

Ему хотелось, чтобы она поняла это сразу, без добавлений. Но Лера смотрела на него настороженно, и он договорил:

— Я спорю с тем, что мне предлагают подписать.

Она отвела глаза.

В коридоре Тимур Андреевич стоял у окна. Держал свой остывший стакан двумя руками.

— Не получилось? — спросил он.

Матвей остановился.

— Вы заранее знали, что она попросит крышечку?

Мужчина посмотрел на его ладонь.

— О символических предметах мы говорили сегодня днём.

— И кому ещё вы сказали?

— Сведения о Валерии конфиденциальны.

Матвей коротко рассмеялся.

Тимур Андреевич не обиделся.

— Вы можете злиться на меня. Это понятная реакция. Но прошу не делать Валерии хуже.

— А кто решает, когда ей хуже?

Мужчина задумался.

Потом сказал:

— Хотелось бы, чтобы всегда она сама.

Он произнёс это так тихо, что Матвей не понял, отвечали ему или говорили с собой.

* * *

Алиса ждала там же.

На мокрой ограде остался сухой прямоугольник под её курткой. Она сидела, спрятав руки в рукава, и сердито разглядывала носок ботинка.

— Семнадцать минут, — сказала она.

Матвей показал браслет.

Три уведомления от неё. Он их не заметил.

— Прости.

Алиса соскочила на землю.

— Жива?

Он кивнул.

— Ты?

— Тоже.

— Уже неплохо.

Он рассказал про документ.

Про крышечку.

Про фразу Тимура Андреевича.

Алиса слушала, не перебивая.

Когда он закончил, спросила:

— Ты получил копию?

Матвей покачал головой.

Она отвернулась к зданию.

— Тогда у нас пока только твой рассказ.

Он снова почувствовал раздражение.

— Ты мне не веришь?

— Верю. Но если пойду с этим в надзор, они не обязаны.

Матвей посмотрел на тёмные окна первого этажа.

— Значит, нужно вернуться.

— Нет. Нужно попросить копию. Завтра. Когда перестанешь трястись.

Он хотел возразить.

Вместо этого посмотрел на руки.

Они действительно дрожали.

Браслет подал короткий сигнал.

Незнакомый номер снова ожил.

На этот раз прислали фотографию.

На ней была Ника. Матвей узнал её по сходству с Алисой, хотя волосы у неё были длинные и тёмные.

Ника сидела на той же парте в кабинете истории.

Перед ней лежало кольцо.

Сообщение под фотографией состояло из двух слов:

«Она отдала».

Глава четвёртая. Починенные вещи

Алиса забрала у него руку вместе с браслетом.

Приблизила фотографию.

Провела пальцем по краю изображения, пытаясь вызвать сведения об исходном файле.

Их не было.

— Перешли, — сказала она.

Матвей выполнил.

Она не выпускала его запястье ещё несколько секунд. Потом заметила, разжала пальцы.

— Это Ника?

— Да.

— А кольцо?

Алиса убрала волосы со лба.

— Денис сделал. Из медной проволоки. Оно пачкало палец, она всё равно носила.

Матвей посмотрел на фотографию.

В углу виднелась половина окна и старая карта.

Те же стулья.

Тот же фантик в лампе.

— Кто это присылает?

Алиса уже писала.

Ответа не было.

Она вызвала номер.

Через несколько секунд экран сообщил, что входящие соединения не поддерживаются.

Алиса выругалась сквозь зубы, но так тихо, что Матвей не разобрал слова.

— Он может знать, где Денис, — сказала она.

— Или хочет, чтобы ты так думала.

Она резко посмотрела на него.

Матвей узнал это выражение.

С таким же лицом он сам стоял на лестнице, когда она не давала ответить Лере.
Алиса спрятала руку в карман.

— Да, — сказала она после паузы. — Может и это.

Дождь возобновился. Мелкий, холодный, почти невидимый в свете фонарей.

Матвей вдруг понял, что не ел с утра. Дома он так и не притронулся к пирогу. В животе болело.

— Ты куда? — спросил он.

— На работу.

— Сейчас?

— Я обещала закончить один заказ.

Это почему-то не помещалось в происходящее.

Тайные сообщения, изменённая память, фотография сестры — и чей-то сломанный прибор, который нужно починить к вечеру.

— Можно с тобой?

Алиса посмотрела на него.

— Можно. Но сначала напиши матери. А то она уже подала на меня заявление за похищение подходящего партнёра.

Он впервые за день улыбнулся.

Совсем немного.

* * *

Мастерская находилась в полуподвальном помещении бывшего книжного магазина.

На стекле остались светлые следы букв. Матвей смог разобрать только «...стика» и «учеб...». Внутри пахло пылью, нагретым металлом и едой.

За стойкой сидел худой пожилой мужчина. На голове у него были очки, на носу — ещё одни.

Он посмотрел на Алису, потом на Матвея.

— Не буду спрашивать, — сказал он.

— И правильно, — ответила Алиса.

— Заказ на краю.

Она повесила куртку на крючок.

— Аркадий Ильич, это Матвей. Матвей, это Аркадий Ильич. Если он начнёт рассказывать, как раньше всё делали лучше, не соглашайся. Заводится.

— Раньше всё делали по-разному, — сказал Аркадий Ильич. — Просто плохое давно выбросили, и вы его не видите.

Матвей посмотрел на него с неожиданным интересом.

На полках стояли чайники, настольные лампы, вентиляторы, обогреватели. У одного вентилятора лопасть была другого цвета.

— Чинили? — спросил Матвей.

— Нет, для красоты собираем. Музей неудачных покупок.

Алиса поставила на стол коробку с инструментами.

— Он всегда так. Не обижайся.

— Я не обижаюсь.

— Хорошо, — сказал Аркадий Ильич. — Тогда мой руки. Вода в маленьком кране. Большой опять течёт.

Матвей посмотрел на него.

Тот кивнул в глубину помещения.

— Есть хочешь или нет?

* * *

Ели за складным столом между коробкой неисправных зарядок и шкафом с запчастями. Аркадий Ильич разогрел суп в старой эмалированной кастрюле. Алиса достала из ящика хлеб, три ложки и банку огурцов.

Матвей съел первую тарелку слишком быстро.

Хозяин мастерской молча налил ещё.

Только после еды спросил:

— Маршрут получил?

Матвей кивнул.

— Кем?

— Инженер водоснабжения.

— Нужное дело.

— Вы тоже так считаете?

Аркадий Ильич посмотрел на него поверх нижних очков.

— Пока пьём воду — считаю.

Алиса тихо фыркнула.

Матвей поставил ложку.

— А у вас есть маршрут?

— Есть рекомендации для старшего возраста. Не забывать ходить, не забывать пить, избегать неоправданного переутомления.

— И вы согласились?

— Пить и ходить? В целом да.

— А на остальное?

Аркадий Ильич вытер хлебом край тарелки.

— У меня дочка после рождения внука полгода из дома не выходила. Помогли. Не знаю, где бы она сейчас была без врачей. Если ты собираешься объяснить мне, что всё это зло, придётся придумать что-нибудь получше.

Матвей опустил глаза.

— Не собираюсь.

— Хорошо. Тогда расскажи, что случилось у тебя.

Он рассказал.

В третий раз за вечер.

С каждым разом рассказ становился ровнее, и от этого происходящее казалось менее правдоподобным. Слишком много неприятностей на один день. Слишком вовремя появилась Алиса. Слишком осведомлённый незнакомец.

Аркадий Ильич слушал, не перебивая. Иногда поправлял очки на голове, забывая про те, что были на носу.

Когда Матвей закончил, он попросил показать фотографию.

Посмотрел долго.

Потом вернул браслет.

— Фотография настоящая, — сказала Алиса.

— Я не спорю.

— Тогда что?

— На ней женщина сидит за столом. Ты говоришь, твоя сестра. Верю. Перед ней кольцо. Она могла отдать его. Могла забрать через минуту. Могла положить, чтобы помыть руки. Из одного кадра остального не видно.

Алиса отодвинула тарелку.

— Я знаю это кольцо.
— И имеешь право спросить у неё, куда оно делось.
— Она не ответит.
— Тогда будешь знать, что не ответила. Но пока ты уже решила, что незнакомец всё понимает и тебе помогает.
Матвей смотрел на Алису.
Теперь она не злилась.
Она казалась очень уставшей.
— Я просто хочу найти Дениса, — сказала она.
Аркадий Ильич положил ей на плечо ладонь.
Потом встал собирать посуду.
Матвей потянулся помочь, но тот покачал головой.
— Лучше кран посмотри. А то будущий инженер сидит без дела, пока старик рискует утонуть.

* * *

В кране износилось уплотнение.
Матвей перекрыл подачу, разобрал головку и нашёл нужную прокладку в жестяной коробке. Работать было легче, чем разговаривать. У детали имелись края, размер, назначение. Она не могла внезапно сказать, что больше не хочет удерживать воду.
Он затянул гайку, открыл вентиль.
Капля набухла на носике.
Матвей подождал.
Капля сорвалась.
Следующая не появилась.
— Всё? — спросила Алиса за спиной.
— Вроде.
Она наклонилась к крану.
— Хорошо.
От неё пахло мылом и тем же пыльным металлом, что от всей мастерской.
Матвей вдруг заметил у неё на шее тонкую цепочку. Под воротом висело что-то круглое.
Алиса поймала его взгляд.
— Пуговица, — сказала она.
— Почему на цепочке?
— На рубашке потеряется.
Он решил, что это шутка.
Но она не улыбнулась.
Потом достала пуговицу наружу. Маленькая, перламутровая, с четырьмя отверстиями. Одно было забито остатком тёмной нитки.
— С папиной рубашки. Он носил её, когда учил меня паять. Сжёл рукав, мама потом долго ругалась.
— Он умер?
Алиса кивнула.
Матвей подумал, что мог бы сказать «сочувствую».
Но слово сейчас ничего не делало.
— Ты не хотела убрать? — спросил он.
Она поняла вопрос.
— Нет.

— Больно же.

Алиса спрянула пуговицу.

— Иногда. Иногда смешно. Не знаю, как разделить.

Она вернулась к рабочему столу.

Матвей остался у раковины, вытирая руки о полотенце. На ткани было большое серое пятно, которое давно не отстирывалось.

Впервые за день ему захотелось не узнать, что система сделала с Лерой.

Ему захотелось понять, как именно она решила, что можно убрать одно чувство, не задевая остальных.

* * *

Алиса ремонтировала застёжку старого браслета.

Само устройство лежало на мягкой салфетке. Под крышечкой виднелись микросхемы, тонкая рамка аккумулятора и серебристая пластинка с номером.

Матвей придвинул стул.

— Ты говорила, их нельзя чинить самостоятельно.

— Я такого не говорила.

— Ну, обычно...

— Электронику нельзя. Ремешок можно.

Она показала сломанную петлю.

— Мальчик дёрнул. Мама не хочет ждать неделю замены. У неё работа по пропуску.

Матвей посмотрел на свой браслет.

— А если я сниму его на ночь?

— Снимешь.

— И всё?

— Сначала спросят, почему. Потом предложат проверить крепление. Если долго не надевать, часть услуг перейдёт на подтверждение личности. Обычные вещи работают. Экстренная помощь работает. Транспорт придётся заказывать с терминала. Дверь новой квартиры без отдельного ключа не откроется.

— То есть можно.

Алиса подняла глаза.

— Можно. Я же не говорю, что тебя арестуют за голое запястье.

Матвей смутился.

Она снова наклонилась к застёжке.

— Тут вообще очень многое можно. Просто не всё одинаково легко.

На столе у неё вспыхнул экран.

Сообщение от Ники.

Матвей успел прочитать только начало:

«Ты опять кому-то писала про меня?»

Алиса перевернула устройство.

Несколько секунд сидела неподвижно.

Потом взяла пинцет.

Матвей отвёл взгляд.

Он не имел права читать дальше.

Но больше всего его испугало, что он уже захотел это сделать.

* * *

Аркадий Ильич закрывал мастерскую в десять.

Проверил обогреватель, опустил жалюзи, убрал из витрины дорогие детали. Алиса сдала ему браслет с починенной застёжкой и расписалась в бумажной тетради.

— Электронная запись тоже есть, — сказал хозяин, заметив взгляд Матвея. — Но тетрадь иногда быстрее.

Он выключил верхний свет.

В полутьме лампы на полке казались похожими на птиц, спрятавших головы под крыло.

Уже на улице Алиса протянула Матвею ручку.

Ту самую, из зимнего сада.

— Возьми.

— А тебе?

— Ещё есть.

Он положил её во внутренний карман.

— Я записал бы сегодня столько, что...

— Не надо всё. Начни с того, что видел сам. И отдельно — что тебе рассказали.

Матвей кивнул.

Ему хотелось задержать её ещё на минуту. Спросить про отца, про Нику, про рисунки, которые она больше не рисует.

Но он не знал, будет ли это его интересом.

Или тем самым бережным замещением, которое им обоим напечатали в маршрутах.

Алиса смотрела на него, будто думала о том же.

— Завтра мне на вводное собеседование, — сказала она наконец.

— Куратором?

— Пока кандидатом. Сначала проверка, потом учебный договор.

— Ты пойдёшь?

Она поправила воротник.

— Пойду.

Матвей молчал.

— Если хочешь узнать, что человеку предлагают подписать, — сказала Алиса, — иногда полезно быть тем, кому дают папку.

— А если они узнают?

Она посмотрела на него устало.

— Они и так знают про мои обращения. Может, поэтому и пригласили.

Подошёл её транспорт.

Алиса открыла дверь, потом задержалась.

— Не отвечай пока незнакомому номеру. И не посылай им ничего. Ни фото крышечки, ни свою папку.

Матвей кивнул.

Машина уехала.

Он стоял под навесом и смотрел, как по пустой дороге движутся красные огни.

До дома было двенадцать минут.

Он решил пройти пешком.

* * *

Мать не спала.

Сидела на кухне в халате. Пирог был накрыт полотенцем. Рядом лежала его папка.

— Прости, — сказал Матвей с порога.

Она встала и обняла его.

Не крепко, как утром.

Проверила ладонью щеку, будто он мог вернуться с температурой.

— Я рада, что ты написал, — сказала она.

Он хотел рассказать всё.

Вместо этого спросил:

— У тебя есть обычная тетрадь?

Мать посмотрела на него, потом достала из верхнего ящика тонкую общую тетрадь в синей обложке.

— Тут только первые страницы заняты.

Матвей открыл.

На первом листе были записаны расходы. Вода, свет, лекарства, хлеб. Даты — давние, ещё до переезда.

Он перелистнул дальше.

На последней исписанной странице стояло одно предложение.

«Четверг. Я сама решила уйти».

Ни суммы.

Ни пояснения.

Мать увидела, где он остановился.

Протянула руку, но не забрала тетрадь.

— Иногда полезно записать, — сказала она.

Матвей посмотрел на неё.

Она не стала объяснять.

Он тоже не спросил.

У себя в комнате сел за стол, снял браслет и положил его в ящик.

Система предложила проверить крепление.

Он закрыл ящик.

В тетради под мамиными расходами вывел дату.

Потом написал:

«Лера сказала, что хочет, чтобы я ушёл. Я ушёл».

Подумал и добавил:

«Это было её решение. Про остальное пока не знаю».

Крышечку положил рядом с ручкой.

За стеной мать мыла чашку. По трубе прошла вода, на мгновение зашумела и стихла.

Матвей перевернул страницу.

Записал название документа.

Сведения, которые помнил точно.

Вопросы, на которые не знал ответов.

И только после этого позволил себе заплакать.

Между строк. Четверг

Много лет назад Наталья Орлова научилась различать лифт по звуку. Не только подъём и остановку. Уставший скрежет перед третьим этажом, короткий удар створок на пятом, длинную паузу, когда кто-нибудь держит дверь ногой. Вечером она прислушивалась к каждому звуку, сидя на краю дивана, и делала вид, что просто ждёт, пока закипит чайник.

Матвею было шесть. Он строил на полу водопровод из деталей конструктора. Воду лить не разрешалось, поэтому по трубам проходили маленькие синие шарики. Они застревали на повороте, и мальчик терпеливо разбирал половину сооружения, чтобы понять почему. Наталья смотрела на него и старалась не думать, что ребёнок уже умеет замолкать в тот момент, когда за дверью звучат определённые шаги.

В тот четверг она собиралась уйти после обеда. Записала список вещей на обороте квитанции: документы, лекарства, детские ботинки, зарядка, сменное бельё. Список не помещался в сумку, хотя на бумаге оставался коротким. Каждая вещь тянула за собой следующую. Если уйти с ботинками, нужны носки. Если взять лекарства, нужна справка. Если забрать детский рисунок с холодильника, муж заметит раньше, чем они успеют уехать.

Она не считала, что не любит его. Это мешало больше всего. Иногда любила, иногда боялась, иногда жалела, иногда хотела, чтобы в квартире просто никого не было. Он умел быть смешным и заботливым, приносил Матвею странные детали с работы, чинил соседям замки. После вспышек подолгу сидел тихо, обещал пойти к врачу, говорил, что без неё пропадёт. Наталья начинала думать, что уход будет жестокостью именно тогда, когда он готов меняться.

Безымянный палец болел при смене погоды. Она рассказывала коллегам, что прищемила дверцей сама. Рассказ был почти правдой, если выбросить из него его руку. Со временем короткая версия стала привычнее полной. Она и сама произносила её без запинки. Только когда пыталась надеть перчатку, тело вспоминало то, чего не было в словах.

Первый раз ушла к знакомой по работе. Женщину звали Лида. Та открыла дверь, увидела сумку и ребёнка, не спросила ничего на пороге. На кухне сидел её взрослый сын, ел суп перед ночной сменой. Он встал, уступил место Матвею, принёс маленькую ложку, хотя мальчик умел

есть большой. От этого простого движения Наталья едва не заплакала. Её давно не встречали так, будто занятое ею место не требовало оправдания.

Ночь провели на раскладном диване. Матвей уснул быстро, обняв пакет с деталями конструктора. Наталья лежала рядом, смотрела на полоску света под дверью и думала о холодильнике дома. О мясе, которое нужно убрать. О белье в машине. О том, что муж вернётся, увидит пустой коридор и сначала будет искать их по комнатам. Ей было стыдно за мысли о холодильнике. Казалось, человек, который действительно решился спастись, должен думать иначе.

Утром Лида спросила, что нужно сделать первым. Наталья не знала. Лида не предложила составить план всей жизни. Сварила кашу, нашла старую куртку Матвею, потому что та осталась в детском саду, и попросила назвать одну задачу. Наталья выбрала документы. Лида кивнула. Они дождались, пока муж уйдёт на работу, поехали вдвоём и забрали папку. Не забрали половину вещей из списка. Оказалось, всё сразу действительно не нужно.

Потом начались звонки. Сначала злые, потом испуганные, потом такие нежные, что Наталья не выдерживала слушать. Он признавал, что перегнул, но не понимал, почему нужно выносить семейное на чужую кухню. Говорил, что Матвей скучает по дому. Спрашивал, неужели она хочет, чтобы сын рос без отца. В некоторые вечера она слышала только упрёки, в другие — собственную ответственность за человека, которому когда-то обещала быть рядом.

Лида не отбирала телефон. Не говорила, что Наталья глупая. Но однажды после разговора спросила, что именно изменилось, кроме его голоса. Наталья рассердилась. Ответила, что чужим легко судить. Лида согласилась: легко. И добавила, что потому не судит, а спрашивает. На этом разговор закончился. Наталья ещё долго злилась, пока ночью не поняла, что не может назвать ни одного проверяемого изменения.

Через десять дней всё равно вернулась. Не потому, что забыла. Денег оставалось мало, у Лиды приезжала дочь с ребёнком, Матвей спрашивал про свой стол и забытого пластмассового крокодила. Муж обещал обратиться за помощью. Она хотела поверить и хотела перестать быть временным человеком в чужой квартире. В этих желаниях было столько обычного, что позднее стыдилась их сильнее, чем самого возвращения.

Первые дни дома были тихими. Муж мыл посуду, отвозил сына в садик, приносил продукты. Наталья заметила, что лифт больше не заставляет её задерживать дыхание. Почти. Она старалась не придирается к мелочам. Когда он спросил, кому она рассказывала, ответила не сразу. Возникла короткая пауза, после которой оба сделали вид, будто ничего не произошло.

На второй неделе он забрал её телефон во время разговора с Лидой. Не ударил, не кричал. Просто сказал, что у них снова всё налаживается, а та женщина всё время лезет. Наталья протянула руку. Он отодвинул телефон дальше. В комнате Матвей перестал двигать конструктор. Этот короткий звук тишины оказался важнее всего, что муж сказал после.

Ушла снова в четверг. На этот раз не успела собрать список. Взяла документы, лекарства, ребёнка и маленькую сумку. На лестнице Матвей спросил, надолго ли. Она почти ответила «ненадолго», чтобы успокоить. Потом присела перед ним и сказала, что не знает. Они будут ночевать в другом месте, пока она ищет безопасное решение. Мальчик посмотрел серьёзно, как смотрел на застрявший шарик в трубе. Спросил, можно ли взять крокодила. Наталья вернулась за ним одна, пока сын ждал у Лиды.

К тому времени в городе начали работать новые службы совместной поддержки. О них говорили много: жильё, помощь с работой, единый маршрут вместо беготни по разным учреждениям. Наталья не доверяла обещаниям. Уже слышала слишком много обещаний, чтобы слово «гарантия» само по себе делало её спокойной. Но Лида принесла номер и сказала, что можно хотя бы спросить. Не согласиться на всё. Спросить.

В приёмной стояли ещё не распакованные коробки. На стене висела схема, которую позже напечатают на значках. Две дороги сходились в одну. Наталья долго смотрела на неё, пока

заполняла анкету. Ей хотелось, чтобы хоть кто-то действительно знал, куда идти дальше. От усталости обещание одной дороги казалось не ограничением, а отдыхом.

Специалистка представилась Ириной. Спросила, где они будут спать сегодня. Не когда-нибудь после оформления. Сегодня. Наталья ответила, что у знакомой, но ненадолго. Ирина нашла временное место, объяснила правила, спросила о документах. Потом уточнила, можно ли связываться с мужем без предварительного согласования. Наталья сказала нет. Ирина записала. Это маленькое «нет», которое не потребовали оправдывать, запомнилось сильнее общих обещаний.

Матвея отвели в соседнюю комнату с игрушками. Наталья хотела оставить рядом: не привыкла, что можно говорить без постоянного контроля за ребёнком. Ирина объяснила, кто там работает, показала дверь, разрешила зайти в любой момент. Матвей сам попросился к коробке с кубиками. Наталья услышала его голос через стену и впервые за несколько недель перестала прислушиваться к лифту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.